

Георгий Жуков 2-й — опальный любимец Сталина

У маршала Георгия Жукова было в одно и то же время два однофамильца и тёзки: один генерал войсковой, другой — энкаведешный. Войсковой больше был известен политическим доносом на маршала А. И. Егорова, который одно время с подачи писателя от спецслужб В. В. Карпова приписывали маршалу Жукову. А о гебисте Жукове вообще ничего известно не было, хотя дослужился он до генерал-лейтенанта и карьеру в годы войны делал просто отличную. О нём и речь.

Начало его биографии стандартное для чекистов, выдвинувшихся в 1930-х — крестьянский сын 1907 г.р., комсомолец с семнадцати лет, рабочий-электромонтёр, потом секретарь райкома комсомола, в 1929-м мобилизован в армию, а уже в следующем году передан в органы военной контрразведки. Сначала Жукова определили в Особый отдел НКВД Белорусского военного округа в Смоленске. Там он начинает с младшей должности, показывает себя умелым борцом с «контрреволюцией» (одновременно, демонстрируя тягу к знаниям, заканчивает вечерний комвуз) и уже весной 1936 г. получает достаточно солидную должность — помощника начальника, а потом и заместителя начальника Дорожно-транспортного отдела ГУГБ НКВД Западной железной дороги с центром в Смоленске.

Надо сказать, что транспортники в системе ОГПУ-НКВД считались чекистами второго сорта, ибо в течение многих лет на них возлагалась, помимо обеспечения государственной безопасности, и охрана порядка, что сближало функции дорожно-транспортных отделов с милицейскими органами. Действительно, если «обычные» чекисты легко меняли специализации, кочуя из особых и экономических отделов в секретно-политические и контрразведывательные, то транспортники, которых набирали обычно из железнодорожных рабочих и служащих, чаще варились в собственном соку. Но всё же из этой среды вышло не так уж мало видных контрразведчиков. Г. С. Жуков — один из самых ярких тому примеров, хотя следует учесть, что изначально начинал он со службы в особом отделе. В 1937-м транспортников освободили от милицейских обязанностей, и они со страшной силой обрушились на «врагов народа».

Именно «Большой террор» позволил Жукову выдвинуться — с августа 1938-го по май 1939 г. он работал начальником ДТО ГУГБ НКВД Западной железной дороги, возглавляя аппарат из нескольких десятков следователей. Хвост из многих сотен уничтоженных людей за Жуковым тянулся такой, что посадить его намеревались в течение целого года. В феврале 1940 г. военный трибунал Белорусского военokrуга постановил привлечь чекиста к уголовной ответственности за незаконные массовые аресты, избиения и расстрелы.

После снятия с работы в Смоленске Жуков более полутора лет ждал назначения, находясь в резерве, но в итоге не проиграл: бериевский отдел кадров пригласил его в центральный аппарат НКВД на должность начальника отделения. Это

означало, что обошлось даже без понижения. Хотя в 1940 г. вопрос об аресте Жукова трижды (!) ставился особой комиссией НКВД СССР, но такими ценными кадрами товарищ Берия разбрасываться не пожелал. Законникам всё же швырнули косточку: в начале 1941 г. по приказанию Л. П. Берии и В. Н. Меркулова Жукову дали 20-суточный арест за нарушения законности в 1937–1938 гг.

С февраля 1941 г. Жуков работал замначальника 1-го отдела Второго (контрразведывательного) управления НКГБ СССР, а в августе получил пост начальника 4-го отдела Второго управления НКВД СССР. О функциях этого отдела может дать представление перечень обязанностей, возложенных на пять его отделений. Первое отделение «обслуживало» агентурным наблюдением польское, чешское, югославское, греческое, шведское и норвежское посольства и миссии, а также колонии, военные миссии и атташат. Второе занималось организацией агентурной работы по линии польских нелегальных организаций в генерал-губернаторстве, польской ссылкой и лагерями, польскими колониями за рубежом. Третьему отделению была поручена следственная работа, четвёртое ведало представительством свободной Франции и испанской эмиграцией. На пятое отделение была возложена закордонная работа.

С мая 1943 г. комиссар госбезопасности 3-го ранга Жуков возглавлял 7-й отдел Второго управления НКГБ, имевший аналогичные задачи. С 17 августа 1941 г. по сентябрь 1944 г. он одновременно был заместителем уполномоченного Генштаба по делам иностранных военных формирований, уполномоченным СНК СССР по иностранным союзным формированиям на территории СССР и уполномоченным Ставки ВГК по этим вопросам. В январе 1942 г. ему добавили должность главного офицера связи НКВД при командовании Чехословацкой армии. С июля 1944 по 19 сентября 1944 г. Жуков был заместителем представителя правительства СССР в Польше (г. Люблин). Его работа требовала постоянного контакта с верховной властью: как свидетельствует журнал посещений Верховного Главнокомандующего, в 1942–1944 гг. комиссар госбезопасности Жуков в течение 21 раза встречался со Сталиным [373].

Начальник над славянскими союзниками

Хорошо запомнил генерала Жукова один из соратников Тито М. Джилас, впоследствии написавший любопытные мемуары и важную книгу о коммунистической номенклатуре «Новый класс», что стоило ему многих лет в югославской тюрьме. Согласно мемуарам М. Джиласа, встречавшегося с Жуковым в 1944 г., «стройный и бледный блондин, всё ещё молодой и очень находчивый, Жуков не был лишён чувства юмора и изысканного цинизма — качеств нередких для сотрудников секретных служб. Говоря о Югославской бригаде, он сказал мне: «Неплохо, учитывая материал, с которым нам пришлось работать» [...] Жуков был прекрасным государственным служащим, и на основе опыта на него большее впечатление производила сила, нежели идеология, в качестве средства достижения коммунизма. Отношения между нами достигли известной степени близости, хотя в то же время были и сдержанными, потому

что ничто не могло отодвинуть в сторону расхождений в наших привычках и взглядах... Жуков подарил мне офицерский ручной пулемёт — подарок скромный, но полезный в военное время».

Вспоминая о встрече со Сталиным, Джилас упомянул эпизод с обсуждением вопроса о широких поставках югославским партизанам советского оружия. Сталин посетовал, что Черноморский флот уничтожен и вооружения перевозить нечем. Жуков предложил перебросить корабли с Дальнего Востока на Чёрное море, но вождю не угодил: «Сталин грубо и категорически оборвал его. Из сдержанного и почти озорного человека вдруг выглянул совсем другой Сталин:

— О чём только вы думаете? Вы в здравом уме? На Дальнем Востоке идёт война. Безусловно, кое-кто не упустит возможности потопить эти корабли. В самом деле! Корабли придётся закупить... Египет продаст — Египет продаст что угодно, поэтому они точно продадут нам корабли.

[...] Генерал Жуков быстро и молча сделал заметку о решениях Сталина. Но закупка кораблей и поставка югославам советских судов так и не состоялась... — Красная армия вскоре достигла югославской границы и, таким образом, могла оказывать помощь Югославии на суше» [374] .

Особенно «изысканный цинизм» пригодился генералу НКВД при общении с поляками, которых требовалось «агентурно обслуживать». Когда после начала войны СССР восстановил дипотношения с Польшей и постановил амнистировать арестованных поляков, то разнообразную помощь разбросанным по СССР более чем 300 тыс. поляков оказывали курируемые польским посольством 807 различных организаций с 2.639 сотрудниками. Их работа тревожила НКВД. В августе 1941 г. майор госбезопасности Жуков предписал «подобрать представителей для связи с польским посольством по оказанию помощи полякам... за счёт проверенной и не расшифрованной среди поляков агентуры».

К сентябрю 1942 г. отдел Жукова составил подробный список военнослужащих польской армии, оставшихся на советской территории после ухода армии Андерса в Иран. Это были более двухсот офицеров и солдат, которые либо дезертировали, либо находились на излечении или в командировке. Все они подозревались в шпионаже. По мнению современного исследователя М. А. Тумшица, 20–30 % из них были готовы приступить к «активной разведывательной работе». При этом расчёте Тумшиц опирается на факты обнаружения польских агентурных сетей в Узбекистане и Казахстане. Но вряд ли официальные отчёты о работе контрразведки военных лет можно так легко принимать на веру. Например, алтайские чекисты в 1942 г. сфабриковали дело на большую «шпионскую группу» из польских граждан, которое впоследствии было прекращено как совершенно необоснованное [375] .

Организовывая польские войска, Жуков одновременно участвовал в большой лжи вокруг катынской трагедии. В своих письмах в январе 1942 г. к Г. С.

Жукову командующий польской армией генерал Владислав Андерс писал, до какой степени бесплодные поиски пропавших военнопленных затрудняют организацию армии, как сильно морально угнетают и его самого, и его сотрудников. Позднее Андерс вспоминал: «С момента эвакуации тех трёх лагерей (Старобельск-1, Козельск-1 и Осташково) в апреле-мае 1940 года не осталось и следа от 15000 военнопленных (среди которых было 8 тысяч офицеров). Нам тогда еще и в голову не приходило, что 15 тысяч военнопленных убиты, мы упорно, каждый день спрашивали о них каждого. Слухов о том, что большевистские власти провели массовую хладнокровную ликвидацию, мы поначалу даже не хотели принимать во внимание...» В операции по уничтожению польских граждан принимало участие большое количество энкаведешников, так что Жуков наверняка знал о судьбе тех, кого безуспешно разыскивало эмигрантское польское руководство.

Секретарём в отделе Жукова работала Г. И. Маркина, недавно вспомнившая отдающий апокрифом эпизод с вызовом к Сталину Жукова и генерала Андерса, который должен был возглавить создающуюся польскую армию: «Берия представляет Сталину Жукова: майор госбезопасности. Сталин уточняет: «Не майор, а генерал-майор. Не может майор работать с генералом польской армии». Трудно поверить, но всё так и было. Я, как секретарь, провожала его к Сталину майором. Возвращается, идет по коридору и посвистывает. Открывает дверь, руку под козырек: «Генерал-майор Жуков прибыл в ваше распоряжение!» Мы вскочили и вытянулись — генерал же перед нами...»

На самом деле Жуков получил приравнивавшееся к комбригу звание майора госбезопасности именно в августе 1941 г., как раз к моменту начала работы с поляками, и с этого времени действительно мог считать себя генералом. Следующий чин — комиссара госбезопасности — достался ему в 1943 г., а комиссара ГБ 3-го ранга — в 1944-м.

Другой эпизод стоил Маркиной седых волос: «Звонит мне Жуков: «Галя, я выезжаю в Коминтерн». Телефон для связи не оставил. Минут через 40 — звонок по вертушке. Беру трубку. «Говорит Берия. Где Жуков?» Отвечаю, что уехал. «Немедленно разыскать, пусть позвонит в приемную Сталина!» Я всех подключила, позвонила и в Коминтерн, сообщила «наружке», чтоб срочно нашли. Тут опять звонит вертушка, на проводе Берия: «Нашли Жукова?» Говорю, что ищем. С сильным таким акцентом: «Так вот, дэвушка, если через пять минут он не позвонит Сталину, я тебя повэшу». И бросает трубку. Опять обзваниваю всех, ищу, меня пытаются успокоить. Жду, состояние словами трудно передать. Берия был очень суровый человек. Через некоторое время возвращается Жуков. Пришел, собрал документы, уехал. Возвращается, подходит ко мне и говорит: «Галя, Берия просил передать, что он тебя не повесит».

Активная работа Жукова по организации союзных воинских формирований была отмечена советскими и иностранными орденами. В 1943–1944 гг. он получил чехословацкий «Боевой крест» и югославскую «Партизанскую звезду»

первой степени, а также два ордена Красного Знамени — за «охрану государственной безопасности» (в сентябре 1943 г.) и за выполнение «особых заданий» (в апреле 1944 г.). Жуков был удостоен ордена Красной Звезды, а также знака «Заслуженный работник НКВД» — за успешную «борьбу с контрреволюцией» (февраль 1942 г.).

Но осенью 1944 г. прекрасная карьера Жукова рухнула с треском. Он стал вторым по счёту комиссаром госбезопасности, устранённым благодаря интригам шефа военной контрразведки «Смерш» Виктора Абакумова (в 1943-м Абакумовым был арестован один из руководителей Секретно-политического управления НКГБ В. Н. Ильин [376]). Поводом к изгнанию Жукова из контрразведки послужил арест смершевцами нескольких чекистов-евреев, служивших под его началом. Начальнику отдела, пригревшему у себя опасных врагов народа, объявили, что он больше не достоин службы в органах государственной безопасности. И в сентябре 1944 г. Георгий Сергеевич прибыл в Новосибирск на совершенно ничтожную должность начальника Отдела спецпоселений областного УНКВД. Впрочем, вождь народов, как говорится в известном анекдоте, «мог и полоснуть»!..

Сибирская ссылка и начальство над ссыльными

Оказавшись в Новосибирской области, Георгий Сергеевич не пал духом и сразу начал разворачивать работу по улучшению «чекистского обслуживания» многочисленных ссыльных, томившихся по дальним сибирским деревням. Начальник местного УНКВД генерал-майор Ф. П. Петровский, надо полагать, не препятствовал инициативам подчинённого комиссара госбезопасности. Усердие Жукова не осталось незамеченным. В июле 1945 г. при переаттестации начальствующего состава Жуков получил соответствовавшее рангу комиссара ГБ 3-го ранга звание генерал-лейтенанта. Это был ободряющий знак с самого верха — вождь, утвердивший большой список генералов от карательного ведомства, опубликованный в прессе, давал понять, что опала будет временной. Но, как оказалось впоследствии, и очень продолжительной. Ситуация оказалась уникальной — генерал-лейтенант почти четыре года просидел в Сибири на майорской должности при официальном подтверждении его «лампасного» звания!

Жуков получил под своё начало Отдел спецпоселений (ОСП) сразу после приказа НКВД СССР от 16 августа 1944 г., который ввел в действие особую инструкцию по учёту спецпоселенцев. Необходимо было срочно установить количество спецпоселенцев, выявить трудоспособных и контролировать их трудоустройство. Учёт должен был способствовать также своевременному выявлению побегов. Все эти проблемы выглядели для чекистов очень актуально, ибо в период 1940–1944 гг. Сибирь вновь стала одним из центров ссылки, на этот раз национальной. Сюда привезли огромное число поляков и евреев с территорий бывшей Польши, а осенью 41-го — сотни тысяч немцев.

В 1944 г. в Сибири было открыто в дополнение к уже имевшимся (для бывших «кулаков») целых 175 спецкомендатур: по 50 — в Алтайском крае и Омской области, 45 — в Красноярском крае, 30 — в Новосибирской области. Одних только немцев в Сибири было расселено свыше 400 тысяч. Будучи двузвёздным генералом, Жуков курировал отделы спецпоселений в соседних регионах, регулярно выезжая в УМВД Красноярского и Алтайского краев, Томской, Омской и Тюменской областей [377]. Наверняка ему было известно, как происходило расселение и последующее обеспечение продуктами, например, калмыков, высланных на Алтай...

При приёме поездов со спецпереселенцами там сразу было обнаружено 270 мертвецов. С начала 1944 по сентябрь 1945 г. из 22.212 прибывших калмыков в алтайской земле успокоилось 3.039 человек, а родилось всего 116. Особенно высокой была смертность в первые месяцы: за первый квартал 1944 г. умерло 1.198, в течение второго — 612, в третьем — 241, в четвертом — 331 чел [378].

До 1944 г. ссыльных «националов» разрабатывал аппарат местного УНКГБ, который ориентировался на активное выявление «контрреволюционеров». Работал он весьма активно: только в Здвинском районе Новосибирской области за годы войны расстреляли 16 немцев, обвинённых в контрреволюционной деятельности — вредительстве в колхозах, пораженческой агитации и т. д. Затем за ссылку взялся аппарат ОСП. Отделу спецпоселений, получившему спецконтингент в мае 1944 г., пришлось начинать агентурно-оперативную работу почти с нуля.

Ссыльные, враждебные строю «в силу своего социального и политического прошлого», а также заподозренные в склонности к побегам, обеспечивались, с помощью аппаратов районных спецкомендатур, «систематическим осведомительным освещением». На таких лиц чекисты заводили дело-формуляр, что означало начало агентурной разработки. Исчезновение с места жительства человека, который находился в «разработке», давало повод к объявлению местного или всесоюзного розыска.

Для агентов и осведомителей предусматривалось либо денежное вознаграждение за труд, либо «лучшее устройство или перевод в порядке поощрения в лучшие климатические и хозяйственно-трудовые условия». Особо ценные агенты, вербовавшиеся, главным образом, из членов ВКП (б), представлялись к досрочному освобождению из высылки и могли сами выбирать место жительства в районах расселения спецпереселенцев.

Приняв от УНКГБ по Новосибирской области всего 197 осведомителей, оперативники ОСП под руководством Жукова начали бойко пополнять негласный аппарат. И если к 1 октября 1944 г. в ОСП числилось 415 осведомителей, четыре агента и не было ни одного резидента, то уже к 1 января 1945 г. у отдела спецпоселений имелось 8 резидентов, 6 опытных агентов-маршрутников, 23 агента и 1.412 осведомителей, в том числе от органов НКГБ было принято в виде «безвозмездной помощи» три резидента, 12 агентов и 416

осведомителей. К 1 января 1945 г. в Новосибирской области насчитывалось 69.502 ссыльных: немцев — 47.853 (агентура — 847 чел.), калмыков — 16.303 (519), «кулаков» — 3.114 (83), фольксдойчей — 603.

За последний квартал 1944 г. от агентуры было получено 3.480 донесений (что говорило о малой активности большинства осведомителей), в том числе 2.133 донесения, представлявших, как полагали чекисты, оперативный интерес. 937 донесений носили совершенно «заказной» характер и касались конкретных агентурных разработок. К январю 1945 г. на оперативном учёте в ОСП состояло 1.444 чел., в том числе 71 — по агентурным делам (они были обречены на арест), 132 — по делам-формулярам (так именовались чекистские досье) и 941 — по учётным делам.

Учётное дело означало первичный интерес органов к сомнительному человеку, а дело-формуляр показывало более интенсивную стадию накопления информации о нём, когда данного человека «обставляли агентурой» с целью основательной слежки. Агентурное дело велось на какую-либо «контрреволюционную группу» с целью скорой «оперативной ликвидации». Так, по агентурному делу «Сакья-Муни» проходила группа из 21 калмыка, обвинявшихся в активной антисоветской агитации, саботаже и забое скота; она планировалась именно к «быстрейшей ликвидации».

По делу «Паутина» проходило 17 бывших руководящих работников Калмыцкой АССР, жаловавшихся в инстанции на геноцид калмыков и проводивших соответствующую агитацию среди соплеменников, а также ещё 15 чел., отнесённых, если следовать чекистскому жаргону, к «связям» главных фигурантов, которые обращались с жалобами в правительство, утверждая, что в результате несправедливого переселения нация обречена на уничтожение. А. Б. Наднеев, который «высказывал резкие террористические взгляды по адресу вождя народов», а также бывший замнаркома земледелия Исбек Манджиев к началу 1945 г. уже были арестованы.

Рядовой агентурной разработкой на ссыльных немцев являлось дело «Богомолы», по которому проходили жители Андреевского района Иван Гак, Мария Бауэр и Каролина Фогель. Их обвиняли в том, что под предлогом чтения Библии эти «антисоветчики» собирают вокруг себя других ссыльных и проводят «контрреволюционную работу». Всего же за последний квартал 1944 г. чекисты Новосибирской области репрессировали 115 немцев и калмыков.

Отдел спецпоселений подчинялся Управлению исправительно-трудовых лагерей и колоний УНКВД. Основная агентурно-оперативная работа велась комендантами спецпосёлков, где один осведомитель полагался на 20–30 семей, но на деле сеть была гуще и к началу 1950-х один сексот приходился на 15 ссыльных. Агентов вербовали для разработки уже заведённых агентурных дел, под разными предлогами подводя их к интересующим чекистов лицам. Если рядовых осведомителей вербовали коменданты с разрешения начальников райотделов, то агентов — только сами начальники РО. Комендант, отправляясь

на квартиру агента, предварительно, дабы его не расшифровать, посещал несколько квартир прочих ссыльных. Встречи происходили один-два раза в месяц — в помещениях спецкомендатур либо на конспиративных квартирах. Донесения малограмотных принимались в устной форме и записывались в ходе беседы.

Привыкший проявлять инициативу в карательных делах Г. С. Жуков запрашивал вышестоящее начальство, следует ли «без наличия данных об их практической деятельности» привлекать за измену родине выявленных среди репатриантов лиц, служивших в вермахте и СС, немецкой полиции и тюрьмах. Начальник ОСП был готов посадить новые сотни и сотни немцев, но Москва ответила, что сажать следует только по конкретным материалам — за «активную предательскую деятельность».

О повседневной работе ОСП довольно красноречиво говорят некоторые опубликованные документы. В мае 1946 г. Жуков лично сообщал начальнику ОСП МВД о том, как успешно проходит подписка на заём и что делается для того, чтобы голодные и нищие ссыльные отдали значительную часть заработка государству. Особое внимание оперативной работе уделялось в дни государственных праздников. Например, 6 и 7 ноября 1947 г. оперативники отдела приняли 80 негласных работников (четырёх резидентов, 10 агентов и 66 рядовых осведомителей) и 90 агентурных донесений. Восемь человек было подготовлено для вербовки, заагентурен содержатель конспиративной квартиры, допрошено «в порядке фильтрации» 20 немцев-репатриантов.

Донося о низкой явке ссыльных на ноябрьскую демонстрацию, чекисты объясняли это плохой организацией, работой многих спецпереселенцев в ночную смену и отсутствием у них хорошей одежды, а также тем, что «некоторые (калмыки) пьянствовали». Настроение ссыльных характеризовалось как здоровое, а отдельные «отрицательные суждения» вызывались задержками зарплаты на предприятиях и пренебрежительным отношением заводских администраций к обеспечению жилищ работников светом и водой.

К марту 1948 г. у подчинённых Жукова насчитывалось 1.145 осведомителей, 132 агента и 22 резидента. Было заведено дел оперативного учёта на 2.404 человек, в том числе 13 агентурных дел на 71 чел., 266 дел-формуляров и 2.067 учётных дел. Среди них — 140 по подозрению в шпионаже, 55 — по подозрению в националистической деятельности и 659 — на изменников и предателей. Аппарат ОСП очень гордился тем, что в Новосибирской области за всё время не было зафиксировано никаких «политических волынок, банд или диверсионных актов» [379].

В поисках англо-американских шпионов

С разгаром холодной войны чекисты получили задание усиленно искать англо-американских шпионов. В 1946 г. перед ОСП была поставлена новая задача — вербовать агентов и осведомителей для разработки тех, «кто давал перспективу

выхода на агентуру англо-американского блока». Особенно активно такая работа велась в самом Новосибирске среди репатриантов. Каждый из них, даже прошедший проверочно-фильтрационный лагерь и направленный затем на спецпоселение, допрашивался о всех тех, кто находился в англо-американской оккупационных зонах, служил в войсках СС и СД, состоял членом гитлерюгенда либо поддерживал связь с границей. Для генерала контрразведки Жукова такая работа представляла особый интерес.

В результате часть допрошенных пополняла агентурно-осведомительную сеть, а другая (гораздо большая) зачислялась в разряд подучётного элемента. Только в ОСП Новосибирской области из почти 12 тыс. репатриантов-немцев было допрошено 7.818 взрослых. Немалая часть допрошенных (1.007 чел.) была взята на оперативный учёт в качестве подозреваемых в шпионаже, военных преступлениях и активном пособничестве врагу. 795 чел. «разного антисоветского элемента» уже в 1945 г. подверглись агентурной разработке, а 55 оказались арестованы как агенты гестапо, Абвера и т. п.

Кодовые названия ликвидированных агентурных дел весьма показательны: «Стародумы», «Недобитые», «Фашисты», «Клеветники», «Сослуживцы», «Враждебное гнездо», «Антисоветчики», «Враги», «Мракобесы», «Изменники», «Стихоплеты». Некоторые из этих групп разрабатывались при помощи агентов еще с начала 1940-х гг. Обвинения стандартны: клевета на советскую действительность, контрреволюционная пораженческая агитация, стремление к свержению советской власти путем восстания. Именно так квалифицировались «сборища» религиозных групп, пение песен и чтение стихов, критические замечания по адресу властей, недовольство материальным и общественным положением. Часть групп объединялась фальсификаторами из МВД-МГБ в организации немцев общесоюзного значения: «Союз борьбы немцев в СССР», «Союз обеспечения немецких иммигрантов», «Комитет освобождения немцев».

Отдел спецпоселений УНКВД-УМВД по Новосибирской области с 1945 до марта 1948 г. арестовал за политические преступления одних только репатриантов 144 чел., в том числе «агентов разведок»: немецкой — 23, английской — 11, американской — 5, пособников и предателей — 46, разного антисоветского элемента — 59, причем 41 из них за «антисоветскую пропаганду проамериканских и проанглийских настроений» (здесь имелись в виду разговоры о хорошей жизни за кордоном и надеждах на то, что лидеры западных стран заставят Сталина смягчить свою политику). Всего же с сентября 1944 г. по март 1948 г. подопечные Жукова арестовали за «политические преступления» 493 чел., в том числе «агентов» немецкой разведки и контрразведки — 64, английской разведки — 11, американской — 5, различных вражеских пособников и военных преступников — 203.

По официальным данным, на 1948 г. учёт спецпереселенцев в области был образцовый. Уход Г. С. Жукова в июне 1948 г. на повышение формально был следствием отлично поставленного дела по «агентурно-оперативному обслуживанию» политической ссылки. Однако известные материалы говорят о

явном кадровом неблагополучии в отделе, работники которого допускали не только служебные промахи, но и прямые преступления. Проверка положения дел, проведённая после ухода Жукова, показала, что в режимном Новосибирске, где официально в начале 1940-х гг. имели право жить всего лишь несколько немцев, к 1948 г. обитало 1.446 неучтённых немцев. В 1948 г. «за плохую организацию агентурно-оперативной работы по борьбе с побегами с/п[ереселенцев] и допущение случаев побега» был снят с работы и понижен в должности замначальника Куйбышевского райотдела МВД Лутошкин, а также наказано руководство Искитимского райотдела МВД [380] .

Работники МВД относились к требованиям уголовного кодекса с таким же минимальным трепетом, как и их «старшие братья» чекисты. Например, работник и парторг Чулымского РО УМВД по Новосибирской области Д.И. Левченко в декабре 1947 г. от райкома партии получил строгий выговор за организацию пьянки со спецпереселенцами-калмыками, нарушение революционной законности и злоупотребление служебным положением. Чекиста перевели в другой район и в начале 50-х он работал комендантом спецкомендатуры Болотнинского РО УМГБ по Новосибирской области [381] .

В марте 1948 г. Георгий Жуков заявил подчинённым, что решение бюро Новосибирского обкома ВКП(б) «своевременно вскрывает (то есть ни раньше, ни позже! — А. Т.) крупнейшие недостатки нашей работы и позорные для нас факты извращений и нарушений социалистической законности». В Сузунском, Легостаевском, Ояшинском и Чистоозёрном районах оперативники местных отделений ОСП «допускали провокационные действия в оперативной работе». Это, скорее всего, означало элементарную фабрикацию дел: использование агентов-provokatorов, запугивание свидетелей и вымогательство показаний путём шантажа и физического насилия.

Чувствующий своё интеллектуальное превосходство Жуков тогда же заодно разнёс за малограмотность периферийных начальников (среди руководящего состава УМВД не имели среднего образования 78 %), отдельно выделив главу Барабинского горотдела МВД Якова Борзенко за то, что тот имел убогий лексикон и изъяснялся чуть ли не междометиями: «тем не менее, по его словам, он читает лекции для интеллигенции г. Барабинска!» Что касается процветавшего в «органах» пьянства, то оно не собиралось сдавать своих позиций: так, назначенный заместителем начальника Татарского райотдела МВД по спецпоселению Самсонов «в первый же день приезда напился пьяным, пришёл в РО МВД и свалился в коридоре на глазах сотрудников РО и граждан... пробыв несколько часов в данной должности, был снят с работы» [382] .

Если в Новосибирской области чекисты, насколько известно, с целью повышения своего жизненного уровня ограничивались случаями вымогательства у ссыльных продуктов и самогона, то в соседней Томской области в 1946 г. был зафиксирован громкий коррупционный скандал, затронувший и начальника УМВД. Сначала было выяснено, что работники

отдела спецпоселений за взятки помогали ссыльным евреям освобождаться и покидать Сибирь.

О моральном облике кадров, которые занимались ссылкой, можно судить по фигуре А. П. Мищенко, бывшего работника «Смерша», который в марте 1944 г. был уволен за попытку склонить к сожительству женщину-агента, находившуюся с ним на личной связи, и за халатность. Но в том же году Мищенко был утверждён начальником ОСП УНКВД-УМВД по Томской области, а в начале 1947 г. его исключили из партии за развал оперработы, преступную связь со спецпереселенцами и использование служебного положения в корыстных целях. Одновременно сам начальник УМВД по Томской области С. И. Корнильев попался на крупных финансовых махинациях, нанёсших ущерб государству в 382 тыс. рублей, за что был уволен и исключён из партии [383]. После изгнания из «органов» Корнильев занимался тем, что продавал на базаре излишки своего очень внушительного имущества...

Со временем чекистское внимание к своим подопечным выходило за рамки привычного осведомления и репрессий. С середины 1946 г. в отчетах ОСП появляются данные о трудовом и бытовом устройстве спецпоселенцев, их обеспеченности жильем, скотом, одеждой, обувью, продуктами питания. Чекисты прекрасно понимали, что от бытового положения ссыльных зависит их политическое настроение. Поэтому руководство управления НКВД — МВД нередко выступало в роли ходатая перед областными партийными и советскими властями, требуя проявления минимального внимания и заботы по отношению к своему «контингенту».

Отдел спецпоселений занимался не только уже имевшимися ссыльными, но и посильным увеличением их числа. Сразу после принятого по инициативе Н. С. Хрущёва жестокого указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. о высылке колхозников, не вырабатывающих минимума трудодней, в отдалённые районы страны, ОСП взялся за «изъятие» из колхозов «лодырей и тунеядцев, разлагающих трудовую дисциплину». Была проведена «большая работа» по реализации указа, но в результате осуждённых самим руководством УМВД «извращений» сверхусердные работники ОСП исключили из колхозов много даже формально невиновных, в том числе больную женщину, мать восьмерых детей. А барабинские чекисты скрыли от управления МВД тот факт, что из одного колхоза исключили сразу 18 чел. Протест против крепостнической политики немедленно подавлялся: «Имеются факты, когда лодыри, тунеядцы и антисоветский элемент открыто выступают против этого указа. В Чулымском районе одна колхозница, жена высланного, пришла в сельский совет, сорвала портреты членов Политбюро ЦК партии и растоптала ногами, она арестована...» [384]

Восхождение и возмездие

Загнанный в Сибирь Жуков и не подозревал, что его низвержение окажется столь долгим и продлится до самой смерти кремлёвского горца. Сталин

нарочито долго морил Георгия Сергеевича в провинциальном отделе спецпоселений, так что далеко не сразу сибирские начальники Жукова позволили ему начать неспешное возвращение к должностям, более уместным для генерала. В июне 1948 г. Жуков стал заместителем начальника УМВД по Новосибирской области по оперативной работе, а в мае 1951 г. был отправлен на Колыму [385].

В апреле 1951 г. министр внутренних дел С. Н. Круглов поручил своему заму И. А. Серову, заместителю министра по кадрам Б. П. Обручникову и начальнику ГУЛАГа И.И. Долгих подобрать — по просьбе начальника Дальстроя И.Л. Митракова — замену оказавшемуся слабым работником начальнику Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей (УСВИТЛ) и заместителю начальника Дальстроя генерал-майору А.А. Деревянко. И 3 мая новым начальником УСВИТЛ и заместителем начальника Дальстроя стал генерал-лейтенант Жуков. А последовавший в июле 1951 г. арест Всеволода Абакумова означал, что главный враг Жукова больше не представлял опасности.

Деревянко и Жуков 24 мая 1951 г. подписали акт приема-сдачи лагерей Дальстроя, где сообщалось, что лагерный сектор Дальстроя насчитывал в своем составе 504 подразделения, из них: девять управлений (в том числе — Берлаг), 14 отделений, 129 отдельных лагерных пунктов, 252 «просто» лагпункта и 101 лагерную командировку. Всего в них содержалось 142.722 заключённых, в том числе 88.864 в следующих лагерях: Теньлаг (Усть-Омчуг) — 17.220 чел.; Заплаг (Сусуман) — 16.585 чел.; Севлаг (Ягодный) — 15.802 чел.; Индлаг (Усть-Нера, Якутия) — 12.729 чел.; Маглаг (Магадан) — 11.312 чел.; Ванлаг (Ванино Хабаровского края) — 6.814 чел.; Чаун-Чукотский лагерь (Певек) — 8.402 чел.

Помимо того, в Омсукчанском отделении насчитывалось 6.496 чел., в Янстрое (Эге-Хая, Якутия) — 1.544, Юзлаге (Нижний Сеймичан) — 5.238, Магаданском транзитном отделении — 2.962, Чукотстройлаге (Эгвекино) — 6.988, Транзлаге (Магадан) — 4.316, Приморлаге (Находка Приморского края) — 3.635, Янлаге (Эге-Хая, Якутия) — 4.155, Зырянлаге (Колымо-Индибирское речное пароходство, Зырянка, Якутия) — 2.861, Дорлаге (Адыгалах) — 2.949, Ожогоино (Якутия) — 1.185, БерГРУ (Берелехское районное геологоразведочное управление, Нексикан) — 2.712, комбинате № 3—4.838, УШОСДОРе — 1.741 чел. В центральной больнице (Дебин) находилось 2.093 заключённых, в ОЛП комбината № 2—1.052.

Среди 139.910 заключённых Дальстроя было 122.088 мужчин и 17.822 женщины; среди 2.812 каторжан — 2.470 мужчин и 342 женщины. Среднесписочный состав в первом квартале 1951 г. составлял 146,7 тыс. заключённых, а вывод на производство — только 73,7 тыс. По расчёту на 1 апреля 1951 г. в УСВИТЛе находилось 144.931 чел., из них 33.353 заключённых были осуждены за контрреволюционные преступления, а 111.617 — за уголовные. Заключённых моложе 18 лет имелось 17 чел., от 18 до 25 лет — 63.062, от 26 до 40—67.738, старше 60 лет — 23 чел. Срок заключения менее года

имело 186 человек, от 1 до 3 лет — 3.027, от 3 до 5 лет — 18.127, от 5 до 10 лет — 79.841, от 10 до 15 лет — 20.954, от 15 до 20 лет — 10.966, свыше 20 лет — 11.830.

В Особлаге № 5 (Береговой лагерь, он же Берлаг, начальник — А. Ф. Васильев) при лимите наполнения в 35 тыс. человек содержалось на 20 мая 1951 г. 28,9 тыс. заключенных. По штатам лагерной обслуги Дальстроя полагалось 5.137 чел., из них 3.333 офицера и 1.804 вольнонаемных; в наличии в мае 1951 г. имелось 4.082 (офицеров — 2.651, вольнонаемных — 1.431). Из штата военизированной стрелковой охраны (17.991 чел.) в наличии имелось только 13.761. В 1950 г. из Северо-восточных лагерей бежал 581 чел., в бегах оставалось 68 заключённых. За пять месяцев 1951 г. бежало 128 человек, в бегах насчитывалось 46 чел. В 1951 году насчитывалось 112 случаев применения оружия, при них 56 человек было убито и столько же ранено [386] .

На Колыме Жуков проработал менее двух лет. Опальный чекист постепенно восстанавливал свои позиции в аппарате карательных органов «второго уровня» (систему МВД все чекисты крайне презирали), не оставляя мечты вернуться к охране госбезопасности в привычных для себя масштабах. Берия претензий к нему не имел, так что после смерти Сталина, казалось, карьера достаточно молодого генерала стала налаживаться: в марте 1953 г. из Магадана он немедленно был возвращён в Москву.

По указанию Лаврентия Павловича 17 марта 1953 г. Жуков получил вполне приличную должность начальника 8-го отдела Первого управления (контрразведка) МВД СССР. А затем стал заместителем начальника Четвёртого (секретно-политического) управления МВД-КГБ, занимавшегося внутренним сыском. По уровню этот пост уже был выше того, которого генерал лишился девятью годами ранее. Но сразу же после начала пересмотра дел периода ежовщины Жуков оказался сильно скомпрометированным.

Парторг тогдашнего Четвёртого управления КГБ Ф. Д. Бобков вспоминал, как в 1954 г. ему пришлось участвовать в рассмотрении персонального дела генерал-лейтенанта Жукова, обвинявшегося в проведении массового террора в бытность начальником Дорожно-транспортного отдела НКВД Западной железной дороги. Как вспоминал Бобков, генералу инкриминировали тот факт, что на угольном складе станции Орша им было арестовано около сотни «польских шпионов», многим из которых специально изменили фамилии так, чтобы те походили на польские.

Начальник управления Ф. П. Харитонов направил обсуждение в нужное начальству русло, заявив, что председатель КГБ И. А. Серов просит партком учесть принятое им решение об отправлении Жукова из Москвы на менее ответственный пост заместителя председателя КГБ одной из союзных республик. Члены парткома учли пожелание своего начальника: с преимуществом в один голос прошло предложение не исключать Жукова из партии, а ограничиться строгим выговором [387] .

Победа генерал-лейтенанта, прикрытого сановным покровителем, оказалась недолговечной. Дело по обвинению Жукова перекочевало в высшую контролируемую инстанцию компартии — Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. И там авторитета Ивана Серова не хватило. Сначала ему пришлось расстаться с Жуковым, который 28 октября 1954 г. был уволен из КГБ «по фактам дискредитации», а месяц спустя постановлением Совмина от 23 ноября 1954 г. — лишён воинского звания.

Ещё через месяц последовал последний удар: 24 декабря 1954 г. Жукова исключили из партии за «грубейшие нарушения социалистической законности», допущенные в период его работы на Западной железной дороге. Упомянутая Бобковым история с грузчиками угольного склада там не фигурировала (возможно, мемуарист, вспоминая события сорокалетней давности, что-то напутал). Но были преданы гласности вещи, которые Жукова, мягко говоря, не красили.

Так, вскрылась история с арестованным им 26 ноября 1937 г. начальником Западной дороги Г. А. Русановым — фигурой исторической, бывшим полномочным представителем ВЧК по Закавказью. Жуков приказал допрашивать Русанова по двадцать и более часов в сутки, но экс-чекист упорно не желал признавать себя врагом народа. Тогда с 12 по 17 декабря Русанову учинили непрерывный конвейерный допрос. Неделью спустя, 23 декабря 1937 г., Русанов покончил с собой, выбросившись из окна.

Партийные контролёры отметили, что «правдоподобность этой версии вызывает сомнения», ибо, по сведениям вдовы Русанова, начальника дороги следователи замучили сознательно, поскольку тот, работая в Закавказье, докладывал Дзержинскому о неблаговидных делах Берии: получении им контрабандных товаров и подозрительных связях с границей.

Сейчас обвинения вдовы Русанова в адрес Берии не выглядят основательно (хотя получение дефицита из-за границы неофициальным путём практиковалось широко и в таких грешках были замечены многие руководящие чекисты, в том числе любимец Кирова Ф. Д. Медведь — начальник УНКВД по Ленинградской области, получавший контрабандой от знакомого капитана парохода отрезки и костюмы [388]). Но через год после казни Берии любые обвинения в его адрес проходили на ура — ведь сей маршал от госбезопасности был официально объявлен главным нарушителем законности в СССР.

Было установлено, что Жуков дал указание своему аппарату каждые пять дней предоставлять сводки о числе арестованных и количестве их «сознаний». По распоряжению Георгия Сергеевича летом 1938 г. были арестованы и расстреляны 16 грузчиков станции Витебск. Разворачивая террор как можно шире, Жуков в июле 1938 г. направил всем отделениям Дорожно-транспортного отдела списки подлежащих аресту граждан, на которых не было в НКВД никаких материалов (не то что компрометирующих, но даже адресов).

Отделению НКВД только одной станции Витебск по трём спискам предписывалось арестовать 121 чел.

Точное количество жертв Жукова тех лет неизвестно, но в среднем за 1937–1938 годы транспортники одной дороги арестовывали от двух до пяти тысяч человек. Так как статистика отдельно по репрессированным полякам обнародована, то уточнить успехи Жукова в чистках по «польской линии» можно с большой наглядностью. Согласно опубликованным данным, аппарат ДТО НКВД Западной железной дороги с августа 1937-го по ноябрь 1938 г. арестовал 920 поляков (и тех белорусов, русских и украинцев, кто был «записан» в поляки), отправив на расстрел 609 из них [389] .

В КПК Жуков частично признал вину, осторожно заявив, что «в отношении арестованных допускал грубость и участвовал в избивании арестованного Дегтярева [Л. С.]». Но на суровый вердикт партийных следователей это не повлияло. Так вторично бесславно закончилась карьера Жукова — одного из 40 генералов КГБ-МВД, лишённых в те годы своих звёздно-лампасных мундиров за нарушения законности и прочие злоупотребления.

Уволенный и разжалованный Г. С. Жуков мог считать, что ему повезло не войти в ту сравнительно небольшую группу генералов и полковников, репрессированных вместе с Берией и Абакумовым. Кстати, он проходил свидетелем по делу Берии и показал, что 19 мая 1953 г. министр внутренних дел издал директиву, в которой обязал все региональные управления и республиканские министерства «выявлять недостатки, перегибы и ошибки в работе местных партийных и советских органов, применяя для этого в том числе и оперативные разработки». В 1953-м Берия также снял с работы в МВД в Прибалтике, Белоруссии и на Украине большое количество сотрудников «русской национальности», заменив их представителями титульных наций, что, по словам Жукова, оказывается, «вело к национальной розни»! [390]

О последующих годах жизни бывшего чекиста знают, должно быть, только единичные ветераны «органов». Даже когда умер разжалованный генерал Жуков, неизвестно до сих пор.